разрушения коммунистической системы в России принцип номенклатуры был сохранен и получил конституционный статус (9).

Из приведенного анализа становится очевидным, что в исторической литературе существует значительный разброс мнений по поводу определения содержания понятия «номенклатура». Но общим для всех исследований является то, что номенклатура воспринимается как один из сущностных феноменов советского общества, который структурировал политическое и социальное пространство и выступал определенным вектором общественно-политического развития.

---

1. Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
2. Партийное строительство. Учеб. пособие. Изд. 6-е. М., 1981. С. 300.
3. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-26.
4. Мохов В.П. Топология политического пространства. Пермь, 2002. С. 88.
5. Пастухов В.Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Полис. 1993. № 2. С. 49. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные наук и современность. 1995. № 1. С. 51. Лапина Н.Ю. Формирование современной российской элиты: проблемы переходного периода. М., 1995. С. 4.
6. Афанасьв М. Государство и номенклатура: попытка необходимых уточнений // Полис. 1996. № 2. С. 72.
7. Барзилов С., Чернышов А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. №1.
8. Дискин И.Е. Россия: трансформация и элиты. М., 1995. С. 7.
9. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации. Учеб. пособие. М., 1996. С. 37.

Зубков К.И.
(Екатеринбург)

Геополитика как отражение структур исторического опыта

Возможность использования богатого арсенала геополитической теории для лучшего осмысления исторической реальности – прежде всего, крупномасштабных исторических тенденций, развертывающихся на глобальной сцене, – в значительной степени зависит от корректности выполнения предварительной

методологической операции – а именно, *концептуализации* весьма специфических концептов и методов геополитики в категориях исторической науки, в формате привычного нам исторического подхода к действительности. В рамках самой геополитики до сих пор не существует сколько-нибудь единого понимания главных содержательных проблем – в частности, того, что́ же, в конечном счете, изучает геополитика и в чем, собственно, заключается специфика геополитического метода анализа исторических процессов. Эта ситуация во многом связана с тем, что на раннем этапе своего развития (рубеж XIX–XX вв.) геополитическая теория не приобрела цельности и завершенности, будучи запечатленной главным образом в виде отдельных методологических скетчей. В дальнейшем методологические поиски были надолго приостановлены весьма неровным, подозрительным, если не откровенно негативным, отношением к геополитике как к одной из разновидностей «нацистской псевдонауки», призванной оправдать агрессивную политику Гитлера ссылками на объективную потребность немецкого народа в расширении «жизненного пространства» (1). В период «холодной войны», когда основные центры геополитических исследований переместились в США, в Советском Союзе к геополитике был приклеен ярлык «буржуазной лженауки», призванной ссылками на географическое положение оправдать агрессивную политику империализма, в силу чего сама эта наука и всякое упоминание о ней оказались под жестким идеологическим запретом. Эти обстоятельства, конечно же, не способствовали глубокой и позитивной разработке геополитической теории – как ныне этому не способствуют отдельные спекулятивные, насквозь идеологизированные интерпретации геополитики как способа познания сакральной сущности пространства (например, в работах А.Г. Дугина) (2).

Современные трактовки содержания геополитики, на наш взгляд, страдают многими неясностями и недоразумениями. С одной стороны, налицо тенденция представлять геополитику в качестве предельно широкого, универсального метода анализа пространственных аспектов развития общества, в силу чего ее содержательная сущность трактуется как сумма пространственных измерений экономических, социальных, демографических, политических и культурных отношений. Понятая в таком контексте, геополитика не только лишается своего собственного предметного

основания, но и становится ничем практически не отличимой от методологии географического анализа. В применении же к истории общества она становится практически тождественной исторической географии (3). С другой стороны, есть тенденция трактовать геополитику как специфическое и весьма произвольное «мышление пространственными образами», в связи с чем она становится чем-то вроде методологии конструктивистского типа, замещающей реальное географическое пространство символическим (4). В этом случае без ответа остается вопрос о том, как геополитическая «образность» соотносится с реальными географическими детерминантами человеческой деятельности. Сложившаяся методологическая ситуация подсказывает единственно возможный путь преодоления противоречий в трактовке содержания геополитики: это путь детальной «инвентаризации» аутентичного теоретического наследия классической геополитики (а не привносимых в него извне интерпретаций) на предмет выяснения того, в чем заключается предмет геополитики как науки и что же она изучает в содержательном отношении.

Первое, что необходимо отметить при характеристике геополитики как науки, – это то, что по своему происхождению она, по существу, является историко-социологической концепцией, которая, опираясь на методологию географического детерминизма, стремилась выявить влияние географической среды на направления и формы социальной деятельности людей. Первыми образчиками геополитической мысли (возникшей задолго до оформления геополитики как научной дисциплины) можно считать известные труды Ж. Бодена, Ш. Монтескье и других мыслителей, в которых содержались попытки обнаружить в укрупненных тенденциях развития человеческих обществ проявление *закономерностей,* связанных с особенностями тех или иных воздействий природно-географической среды на человека. Важно отметить, что географический детерминизм был одним из первых собственно научных, рационалистических методов, посредством которых – пусть в наивно-натуралистической форме – но все же делалась попытка преодолеть средневековый провиденциализм в истолковании человеческой истории. В «Методе легкого познания истории» Ж. Бодена обращение к географическому фактору как объяснительному принципу служило средством систематизации многообразного опыта человечества (5). В знаменитом труде Ш.Монтескье «О духе законов»

впервые осуществлялась попытка объяснить происхождение политических институтов и общественных нравов народов свойствами воспитавшей их природно-географической среды (6).

Наблюдавшийся с середины XIX в. закат популярности методологии географического детерминизма и связанных с ним историко-социологических концепций, смена учений о прямом влиянии природно-географической среды на направленность и характер развития общества более эластичными «поссибилистскими» трактовками, вводящими в анализ взаимоотношений общества и природы медиаторный фактор культурной адаптации, делают крайне затруднительным объяснение того, почему буквально через полвека, на рубеже XIX–XX вв., географический детерминизм вновь возродился – на этот раз в виде геополитики. На наш взгляд, единственно возможное объяснение этого парадокса заключается в тех принципиальных различиях, которые предлагают для объяснения роли географического фактора в истории, с одной стороны, традиционные версии географического детерминизма (в ослабленном, подчиненном значении разделяющие подходы исторической географии) и, с другой, – геополитика. Эти различия можно свести в основном к следующему.

В отличие от историко-географического подхода, который «конкретизирует наши представления о пространственной стороне исторического процесса, … изучает географию исторического прошлого человечества» (7), геополитика оперирует не просто категориями пространственно-географического развития общества, но представлениями о структурных свойствах и измерениях историко-географического пространства. Это, в частности, означает, что географические элементы, характеризующие и состав той или иной исторически формирующейся государственной территории, и ее положение в мировой (и/или региональной) системе государств могут быть, с позиций геополитики, далеко не равноценными. Одни из них могут иметь определенное экономическое значение, но при этом не играют сколько-нибудь важной роли в решении императивной задачи существования любого государства – его стабилизации и выживании во враждебном окружении, поддержании его безопасности; другие же, напротив, в процессе своеобразного исторического «отбора» выявляют свою стратегическую роль в качестве опорных элементов всей социальной, экономической и политической конструкции государства, определяя тем самым в решающих моментах структуры

исторического действия. Такие критически важные для существования государства географические элементы его территории, взятые в системном, конфигуративном единстве, принято обозначать как геополитический *паттерн* (от англ. «образец, модель»). Иначе говоря, геополитика вводит в анализ взаимоотношений общества и природно-географической среды *ценностный* компонент, который проявляется, прежде всего, в «отборе» и моделировании географических свойств территории, действительно, критически важных для выживания народа как государственно оформленной общности. Это ценностное отношение к определенным свойствам географической среды не только подчеркивает, многократно усиливая и, так сказать, возвышая, их реально-объективное значение для человеческой деятельности, но и вводит их в конативную, регулятивную сферу человеческого мышления как комплекс внутренне осознанных мотиваций и структур деятельности. В «Науке логики» Г.В.Ф. Гегеля это взаимодействие природного и духовного выражено афористически четко: «… Дух познает в природе логическую идею и возвышает, таким образом, природу до ее сущности» (8). Гегель следующим образом поясняет эту мысль: «Что касается прежде всего природы, то она нередко служит предметом удивления главным образом лишь благодаря богатству и многообразию ее образований. Однако это богатство как таковое, взятое независимо от уровня раскрытия в нем идеи, не представляет собой высокого интереса для разума, и в великом многообразии органических и неорганических образований оно доставляет нам лишь зрелище случайности, теряющейся в тумане неопределенности. Это пестрое многообразие видов животных и растений, беспрестанно меняющийся вид и расположение облаков и т.п. не должны во всяком случае ставиться выше столь же случайных фантазий предающегося своему произволу духа. Удивление, с которым мы встречаем подобного рода явления, представляет собой очень абстрактное отношение к вещам, от которого следует перейти к *более конкретному проникновению во внутреннюю гармонию и закономерности природы* (курсив мой – *К.З.*)» (9). Таким образом, *стратегическая ценность* географического пространства есть методологическая скрепа, которая соединяет все многообразие стихийно-случайных, «абстрактных» (в данном контексте – неосознанных) форм взаимодействия человека с природой и исторический процесс выявления *социальной сущности* последней

посредством структурирующих форм мышления. Такая трактовка геополитики, на наш взгляд, позволяет непротиворечиво объяснить, с одной стороны, соответствие категорий геополитического анализа реально-объективным свойствам географического пространства (зачастую удостоверяемое как раз стихийно-эмпирически, на уровне безотчетного следования масс людей, так сказать, зову пространства), с другой, – функционирование и развитие геополитики как своеобразной руководящей политиками *философии, или идеи, пространства*. Например, значимые для геополитического анализа представления об «органичности», «завершенности» национально-государственной территории – то, что один из основоположников геополитики Рудольф Челлен (1864–1922) определял как превращение государства в надындивидуальную «географическую личность» (10) – есть не столько произвольно формируемый географический «образ», сколько результат осознания и политической актуализации *реальных стратегических преимуществ*, которые государству обеспечивают выходы к морям, завоевания течения рек, прохождение границ по естественным рубежам (например, по крупным рекам и горным хребтам) и т.п.

Уже из одного этого примера видно, что в *функциональном* и *ценностном* отношении – а именно, под углом зрения *внешней безопасности* – здесь объединяются в единую структуру «силы» совершенно разные географические элементы государственной территории – такие, которые в рамках чисто географического анализа группировались бы несколько иначе. В контексте этого вывода остается определить: как, собственно, формируется это ценностное отношение к географическому пространству? что лежит в его основе? Безусловно, оно формируется исторически – как отражение в общественном сознании определенных *повторяющихся схем, или алгоритмов,* социально-исторической деятельности, детерминированных теми или иными избирательными свойствами географической среды. Если исходить из общего понимания структурной связи как связи устойчивой и повторяющейся, то устойчиво воспроизводимые пространственные схемы социально-исторического действия, наследуемые в виде определенного опыта, могут в данном случае служить индикаторами *структурирующих свойств* самого географического пространства.

Целый ряд продуктивных подходов, разработанных позднее, во второй половине XX в., в рамках социогеографии, в какой-то степени

созвучны геополитическому пониманию социальной сущности пространственных структур. Географическое пространство структурно постольку, поскольку оно социально. Структуры пространства задаются, как правило, долговременными процессами перемещения в нем агрегированных масс людей как определенные устойчивые «каналы» географической мобильности (а потому и модели территориального поведения), формируемые, с одной стороны, комплексом запретительных и нормативно-разрешающих характеристик географической среды, с другой, – соотнесенными с ними видами и способами социально-исторической деятельности (11). Конечно, было бы упрощением понимать структуры вообще и географические структуры в частности только как некий визуально фиксируемый «скелет» изучаемого объекта (в первом случае) или конкретной территории (во втором случае), хотя, в принципе, сеть пронизывающих территорию путей сообщения в сочетании с показателями интенсивности их использования могла бы служить аналогией некоего ее пространственного «скелета». Однако, более общий и универсально применимый к частным случаям подход к пониманию пространственных структур в специфически геополитическом контексте удачно, на наш взгляд, намечает теория структурации английского социолога Энтони Гидденса. Согласно Гидденсу, самое первое, элементарное понимание структуры всегда сводится, по существу, к комбинации *ресурсов* и *правил* социальной практики. Если мы ведем речь о неких структурирующих свойствах определенного пространства, то мы говорим о них, прежде всего, как о ресурсах (объективных факторах) и правилах (субъективно-поведенческих факторах), детерминирующих существование в течение определенного времени схожих социальных практик, развертывающихся на этом пространстве (12).

Обратимся к примеру. Если мы посмотрим на географию регулярно осуществлявшихся эвакуационных «отходов» русских сил в периоды наиболее крупных – достигавших Москвы – татарских набегов конца XIV–XVI вв., то без особого труда сможем выявить в ней определенную пространственную закономерность. В 1382 г., во время нашествия Тохтамыша на Москву, Дмитрий Донской спасается бегством в Переяславль, а затем Кострому; в 1408 г. этим же маршрутом вынужден был уходить от отрядов хана Едигея великий князь Василий Дмитриевич и его семья (13). А в 1480 г., при подходе золотоордынского хана Ахмата к Угре, ситуация столетней давности

оказалась близка к повторению: сам еще склоняясь к тому, чтобы остаться в осаде в Москве, Иван III заблаговременно отсылает свою жену, «римлянку» Софью, вместе с казной в Белоозеро, «давши наказ ехать далее к морю и океану, если хан перейдет Оку и Москва будет взята». По-видимому, с этого времени, как о том свидетельствует духовная Ивана III, часть великокняжеской казны стала храниться «на Белоозере и на Вологде» (14). Весной 1571 г., при опустошительном набеге крымского хана Девлет-Гирея на Москву, Иван Грозный спасался бегством в Александровскую слободу, а оттуда в Ростов. По сообщению «Вологодского Летописца», когда Москва была сожжена, Иван Грозный «был тогда на Вологде и помышляше в Поморския страны, и того ради строены лодьи и другия суды многия к путному шествию» (15). Из этой последовательности фактов, запечатлевшей и особенности географического положения Московской Руси, и социальный опыт управления им в критические для государства периоды, можно вывести обобщенное представление о территориях, расположенных к северо-востоку от Москвы, как о стратегически важном элементе геополитической структуры Русского государства.

Важно в этой связи вспомнить, что один из «отцов» геополитики, английский географ Хэлфорд Дж. Маккиндер (1861–1947), по прошествии многих лет осмысливая предложенный им метод анализа пространственного развития государств, выявлял структурирующие свойства географической среды аналогичным образом – причем подчеркнуто исторически, устанавливая «корреляцию между наиболее крупными географическими и наиболее крупными историческими обобщениями» (16), т.е. соотнося географическую структурность со структурами (т.е. устойчиво повторяющимися, инвариантными способами и направлениями) исторического действия. Например, его исходная идея об «осевой» геополитической структуре Евразийского материка, образуемой широким степным «коридором», протянувшимся от Желтого моря до венгерской пушты, возникла как результат наблюдения за *периодически повторявшимися* на протяжении V–XV вв. нашествиями номадических народов на «пояс» островных и полуостровных территорий Старого Света. Подчеркнуто историчны и другие типы выделяемых Маккиндером геополитических структур. В этом смысле, возникшая на рубеже XIX–XX вв. геополитика с самого начала заявила о себе как дисциплина, прежде всего, историческая, а представленное творчеством Маккиндера классическое направление геополитической

мысли справедливо характеризуется сегодня в научной литературе как «геоистория» (17). Питер Дж. Тэйлор полагает, что историзм, присущий теории Маккиндера, лучше всего может быть соотнесен с известной броделевской концепцией «большой длительности» (longue durée), и можно только отнести к досадным недоразумениям тот факт, что историчная в своей основе теория Маккиндера была интерпретирована многими позднейшими эпигонами геополитики как ориентация на выявление в жизнедеятельности социума неких «неизменных географических факторов» (18).

Историчность геополитики, таким образом, проявляется, прежде всего, в признании изменяющегося значения и ценности структур географического пространства. Такого рода изменения в ценностном отношении к пространству происходят под влиянием широкого спектра факторов – прежде всего, смены господствующих способов экономической деятельности, технического прогресса в средствах транспорта и связи, назревающих тенденций в социальной и политической организации общества и т.п. Иначе говоря, определенный тип геополитической структуры и его стратегическая ценность всегда связаны с условиями той или иной эпохи. При этом, однако, следует отчетливо различать изменения, которые медленно накапливаются в географическом базисе государства вместе с последовательным процессом расширения осваиваемого его населением пространства (это, собственно, и может быть предметом исторической географии), и крупные изменения прерывной, дискретной природы, которые связаны с *качественными сдвигами*, преобразующими – вместе с геополитической структурой государства – все основные структуры и «коды» исторического действия. Механизмы глубинной трансформации геополитических структур в процессе пространственного развития государства в известном отношении можно уподобить механизмам социальных революций. Точно так же, как развитие экономической жизни, достигая «критической массы» исторических накоплений, в конце концов, «взрывает» старую оболочку социальных и политических отношений, так и сумма подспудно накапливающихся в обществе экономических, социальных и политических изменений создает толчок для перехода от одной – уже не соответствующей новым условия – геополитической структуры к другой, которая открывает простор новым тенденциям экономического и социально-политического развития. В этом смысле можно говорить о своеобразных

«геополитических революциях», которые драматичным образом, в результате ряда определяющих изменений в геополитическом ансамбле государственной территории, формируют новые структуры исторического действия. При этом последующее развитие государства не исключает известного возвращения – на новом витке развития – к геоструктурным прототипам, сформированных в предшествующие периоды истории, т.е. в снятом виде включает их в «программу» дальнейшего геополитического развития.

---

1. См.: Paterson J.H. German Geopolitics Reassessed // Political Geography Quarterly. 1987, April. Vol. 6. No. 2. P. 107–114.
2. См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. Изд. 3-е, дополн. М., 1999.
3. См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
4. См.: Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.
5. См.: Боден, Жан. Метод легкого познания истории. М., 2000.
6. См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 157–734.
7. Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). М., 1973. С. 3.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975. С. 373.
9. Там же. С. 318–319.
10. Kjellén-Björkquist, R. Rudolf Kjellén: En människa i tiden kring sekelskiftet. Del I. Stockholm, 1970. P. 38.
11. См. подробнее: Джонстон Р.Дж. География и географы. М., 1987.
12. Гидденс, Энтони. Структура, структурация // Контексты современности I: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Казань, 2000. С. 42–43.
13. См. подробное описание этих эпизодов в: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М., 1988. С. 279, 361–362.
14. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. Т. 5–6. М., 1989. С. 75, 143.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 195.
16. Маккиндер Х.Дж. Круглый мир и достижение мира // Уральский исторический вестник. № 1. Екатеринбург, 1994. С. 153.
17. См.: Тихонравов Ю.В. Геополитика. М., 1998. С. 112.
18. Political Geography in the Twentieth Century. N.Y., 1993. P. 33.

Ильиных И.В.